

Режиссер Говорухин зря оправдывался по телевидению, что они с младшим Стерлиговым вместе Алис не пасли, а со старшим в одном полку не служили, Дмитрия же Васильева из "Памяти" он не помнит: если где и видел, то разве что в кошмарном сне. Алиби свое он застолбил, но все равно он страшный человек, и демократы будут от него в кусты кидаться. Потому что он слишком многое понял. Как Кассандра. И у него будет с его окружением такие же теплые отношения, как у последней — с троянками.

Любая модернизация в России — это тот самый троянский конь. Мы тащим его в городскую черту, надрываемся, а Говорухин уже знает, кто в этом коне сидит. Талант всегда видит коней насквозь.

Так жить было нельзя. И этак жить тоже нельзя. Нам, похоже, вообще жить нельзя. Станислав Говору-

хой мы не умеем даже плавать; горький и соленый глоток, разрывающий легкие; и последнее, что нам суждено увидеть и почувствовать, — улыбающаяся акуля пасть и трепогательные зубы, как в фильме "Челюсти". А потом зеленая вода становится красной. От нашей крови. И мы правы.

Потому что та сытая Россия была типичным Китаем. Бешеные темпы экономического роста. Свободные экономические зоны. Машины и видео. Жратва от пуза. И политические танки, политические застенки, политические расстрелы. Политический Тяньаньмэнь... Это была Россия, которую мы не потеряли — бросили. И не пожалели. Россия, в которой можно было загреметь на каторгу за членство в "незаконной организации, имеющей целью ниспровержение существующего порядка и располагающей взрывчатыми веществами". Россия,

это и променяли. Свобода — это гибель. Свобода — это риск. Свобода — это моральное превосходство.

Наше королевство не от мира сего. В России, которую мы бросили, не было граждан. Крестьяне ломали шапку перед барином и перед урядником (а потом их поджигали полуночной порой). Холопы и бандиты — вот из кого состоял народ. Какой контраст между нашими самыми зажиточными крестьянами и американскими фермерами, у которых никогда не было холода! В том же 1913 году наши отъявленные либералы — Милоков и К^о — не могли решиться на украинскую автономию, а Финляндии и Польше эту самую автономию предоставили и почитали то за подвиг. Автономию — не независимость.

О ткуда же такие сожаления у великого художника Станислава Говорухина?

Я уже говорила, что он слишком

Моск. правда - 1993. - 27 марта. - с. 5
ВАЛЕРИЯ НОВОДВОРСКАЯ

...А ИГОРЕВА ХРАБРОГО ВОЙСКА НЕ ВОСКРЕСИТЬ

хин не охотник до Совдепии. И империю готов отпустить, как рвущийся в облака воздушный шарик. Но он оглядывается назад, как жена Лота, и, согласно условиям игры, превращается в соляной столб. Знаменитый 1913 год... Наша просвещенная автократия. Пудовые осетры, пудовые калачи и черная икра ложками... И на что же мы променяли эту благодать? Да на то, на что всегда в России благомыслящие люди меняли свой сытный кусок, — на авось. На журавля в небе. На Несбывшееся.

Станислав Говорухин любит Россию и знает ее. Но он ее не понимает. Потому что он умен. А умом Россию, как известно, не понять. Россия — это Фрези Грант. Она непременно должна прыгнуть с корабля, который куда-то надежно и стабильно плывет, и забежать вперед по волнам, потому что где-то есть остров — земля обетованная. Но Россия — не Иисус Христос, и мы не в гриновском романе, поэтому мы каждый раз идем акулам на обед. Вот и в 1917 году, в том самом феврале, когда мы вроде бы куда-то плыли и, может быть, лет через 200 приплыли бы, осеняемые столыпинскими реформами и столыпинскими пенковыми галстуками, нам надоело плестись в хвосте, и мы опять забежали по волнам вперед... И с тем же успехом, что и в 1600 году, и при Петре, и при Александре II.

Это и есть отпущенная нам формула свободы: долгое падение с палубы в холодную пучину, свободный полет; туча брызг, дикая боль от падения; зеленая, ледяная свобода, в ко-

где вешали даже за неудачное покушение на царя. Россия с процессом Бейлиса. С погромами. Где было все, кроме свободы. Россия, где милейший Николай II, как добрейший Горби, проспавший Вильнюс, Баку и Тбилиси, проспав 9 января, подавление Пресни и Ленский расстрел. Верочка Засулич стреляла в Трепова? Ее оправдали? Этой минутой я буду гордиться даже в акулий зубах. Трепов приказал высесть политзаключенного, студента, неформала. Я бы тоже стреляла в него... Александр II подавлял польское восстание. А это стоило бомбы, потому что там были не десятки, как в Вильнюсе, а тысячи убитых и казненных.

Мы променяли калачи на справедливость. Николай II стал человеком и мучеником только в заточении, перед казнью. У власти он был не человеком. Его страшная смерть — это плата за право попасть в говорухинский фильм. Об Александре III и Николае I фильмов не будет, ибо они не пострадали. Русские офицеры были свободны именно тогда, когда чекисты приколачивали им гвоздями погоны к плечам, а не тогда, когда они расстреливали баррикады в ходе декабрьского вооруженного восстания.

На что мы променяли наших осетров? В фильме "Дипкурьеры" есть такая сцена: красные входят в город, какой-то Щорс гарцует на вороном коне. А несколько офицеров с какого-то чердака встречают победителей пулеметным огнем. У них нет ни одного шанса. Следующий кадр — тюрьма. Еще один — расстрел. Вот на

много знает. Он знает, что мы по дороге на кладбище. Поэтому он вспоминает прошедшую жизнь и жалеет о ней. О том, что мы имели в 1913 году, можно пожалеть лишь по дороге на кладбище. А 1913 год не оглядывался. Он жил. Dum spiro — spero. Пока живу — надеюсь. И с этой надеждой мы вошли в мертвую петлю 1917 года. "Но гибель не страшна герою, пока безумствует мечта" — Блок был очевидцем полета.

Наша никому не кланявшаяся Русь умерла в XIV веке. Там осталось то, о чем стоит жалеть. Русичи Новгорода и Пскова. Киевская Русь. Свою историю мы проиграли, потому что XII век был потерян 1913 годом безвозвратно. "...А Игорев храброго войска не воскресить". Нас похоронили не под Нарвой, не на поле Куликовом. Нас похоронили при Калке. Нас похоронили в Золотой Орде. Нас похоронила Византия, и геополитика нас отпела. Когда теряют свободу и честь, о жизни не плачут. Тем более о харчах.

Режиссер Говорухин — наша кумская Сивилла. Он провидит будущее. Значит, крапты? Похоже, что да. Теперь главное — не изменить себе до конца. Мы втащили в город троянского коня. Мы открыли ему ворота, хотя Станислав Говорухин заламывал руки. Может быть, мы переиграем историю? Может быть, Гектор убьет Ахилла? Может быть, мы сожжем наконец проклятую тоталитарную Спарту? Даже если при этом все сгорит дотла, в том числе и мы сами...

А на нет — и суда нет. Тогда для последней смертельной атаки позовем Станислава Говорухина...